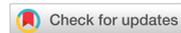

СТРАНЫ БАЛТИИ НА ПУТИ К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ ИЗОЛЯЦИОНИЗМУ: ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ?

Д. А. Ланко

Н. В. Немирова

Д. А. Зотова

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Поступила в редакцию 02.04.2024 г.
Принята к публикации 18.11.2024 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2
© Ланко Д. А., Зотова Д. А., Немиро-
ва Н. В., 2025

Обратной стороной политики Европейского союза по форсированию четвертого энергетического перехода стал энергетический изоляционизм — стремление к достижению количественных показателей, характеризующих энергетический баланс в отдельных странах, без учета влияния этого стремления на энергетический баланс в соседних странах. В статье в качестве примера энергетического изоляционизма рассматривается выдвинутая в 2022 г. Литвой инициатива, призвавшая три страны Балтии отключиться от энергетического кольца БРЭЛЛ, связывавшего их с Россией и Беларусью, ранее 2025 г., когда они должны были сделать это по плану, разработанному ими ранее. Латвия и Эстония не поддержали инициативу Литвы, которая в результате переговоров, длившихся до середины 2023 г., согласилась придерживаться первоначального плана. Методология, созданная в рамках теории игр, позволяет построить представленную в статье модель этих переговоров, которая является частным случаем модели с тремя участниками, вынужденными сообща выбрать один из трех вариантов исхода переговоров. В прикладном плане эта модель позволяет объяснить, почему провал переговоров с последующим односторонним отключением Литвы от БРЭЛЛ изначально был наименее вероятным вариантом исхода переговоров. В теоретическом плане эта модель заставляет обратить внимание на тот факт, что в случае переговоров между тремя странами Балтии никакие две из них, имеющие схожие позиции, пока не готовы согласиться с не самым выгодным для себя вариантом исхода переговоров даже в том случае, если это позволит третьей стране с иными переговорными позициями избежать необходимости согласиться с наименее выгодным для себя вариантом исхода переговоров. В статье демонстрируется, что подобная неготовность большинства к уступкам в отношении меньшинства становится препятствием для выхода минилатерального сотрудничества стран Балтии на новый уровень, сравнимый с тем, какого достигли, например, Северные страны.

Ключевые слова:

Эстония, Латвия, Литва, минилатерализм, переговоры, теория игр, энергетика, БРЭЛЛ

В 2018 г. Эстония, Латвия и Литва договорились об одновременном отключении в 2025 г. от энергетического кольца БРЭЛЛ, связывавшего три страны Балтии с Россией и Беларусью. Это событие, когда оно произойдет, станет не только важным

Для цитирования: Ланко Д. А., Зотова Д. А., Немирова Н. В. Страны Балтии на пути к энергетическому изоляционизму: вместе или порознь? // Балтийский регион. 2025. Т. 17, № 1. С. 19–43.
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2

фактором дальнейшего развития энергетических систем самих стран Балтии, но и угрозой для энергетической безопасности Калининградской области России, на что указывает целый ряд исследователей [1–3]. Согласно ранее утвержденным планам страны Балтии должны были к 2025 г. оказаться технически готовыми отключиться от БРЭЛЛ. Однако осенью 2022 г. премьер-министр Литвы И. Шимоните выступила с инициативой перенести дату отключения этих стран от БРЭЛЛ на более ранний срок — весну 2024 г. Переговоры с Эстонией и Латвией по этому вопросу Литва вела вплоть до лета 2023 г., когда они закончились, по сути, ничем: стороны договорились одновременно отключиться от БРЭЛЛ в 2025 г., уточнив лишь месяц предполагаемого отключения — февраль¹. Целью данного исследования является построение на примере этих переговоров матричной модели минилатеральных переговоров, которая позволит оценивать вероятность реализации каждого возможного варианта исхода таких переговоров.

Проблематика минилатеральных переговоров — многосторонних переговоров с небольшим числом участников — до сих пор недостаточно разработана, несмотря на то, что М. Калер и Дж. Рагги — авторы термина «минилатеральные» — предупреждали об увеличении в среднесрочной перспективе роли таких переговоров еще в начале 1990-х гг. в связи с распадом биполярной системы международных отношений [4; 5]. Они указывали на то, что в литературе по международным переговорам понятие «многосторонние» применяется в отношении любых переговоров, число участников которых больше двух: как в отношении переговоров с тремя участниками, например, как в рассматриваемом в данной статье случае переговоров между тремя странами Балтии, так и в отношении переговоров с десятками участников, например, как в случае ежегодных конференций ООН по вопросам изменения климата. Это, по их мнению, приводит к терминологической путанице, поскольку переговоры с несколькими десятками и с несколькими участниками описываются разными моделями; поэтому для обозначения переговоров последнего типа они предложили использовать понятие «минилатеральные».

Так, модели, разработанные для описания многосторонних переговоров хозяйствующих субъектов, основываются на предположении, что те участники, чье предложение отвергается в ходе переговоров, выходят из переговоров и выбирают тот или иной вариант односторонних действий (см., [напр., 6]). Однако в случае многосторонних переговоров с десятками участников это далеко не всегда так. М. М. Лебедева и Е. С. Зиновьева приводят пример Конференции ООН по изменению климата в Глазго в 2021 г., в которой участвовали представители почти двухсот государств [7, с. 151], многие из которых приехали в Глазго со своими предложениями, однако те национальные делегации, чьи предложения не вошли в итоговый документ конференции, не покинули ее из-за этого. Ю. Джу и Х. Видал-Пуга предлагают свою «децентрализованную» модель многосторонних переговоров, которая не предполагает, что участники, чье предложение отклоняется в процессе переговоров, покидают их [8]. Такая модель, действительно, подходит для описания многосторонних переговоров со многими десятками участников, однако ее возможности для описания переговоров с тремя участниками весьма ограничены.

В самом деле, у Литвы, инициировавшей переговоры с Латвией и Эстонией о переносе даты отключения стран Балтии от БРЭЛЛ, но не сумевшей убедить партнеров по переговорам согласиться со своей позицией, как будет показано ниже, появляется два варианта дальнейших действий. Во-первых, она могла проявить

¹ Литва, Латвия и Эстония договорились о дате отключения от энергокольца БРЭЛЛ, *Деловой Петербург*, 3 августа 2023, URL: <https://www.dp.ru/a/2023/08/03/litva--latvija-i-jestonija-dogovorilis> (дата обращения: 01.11.2024).

«солидарность с большинством» [9] стран Балтии и согласиться выйти из БРЭЛЛ в ранее согласованные сроки, одновременно с Латвией и Эстонией. В этом случае — а как будет показано ниже, именно таким оказался исход анализируемых переговоров на практике — переговоры можно было бы назвать состоявшимися, хотя Литве и не удалось достичь того результата, к которому она стремилась, иницируя переговоры. Во-вторых, Литва, видя неготовность Латвии и Эстонии согласиться с ее предложением, могла прервать переговоры и решиться на выход из БРЭЛЛ в одностороннем порядке раньше, чем две другие страны, последствия чего для энергетической безопасности этих стран (а также для Калининградской области России) оказались бы непредсказуемыми. В этом случае переговоры можно было бы назвать провалившимися.

Г. Фор и У. Цартман справедливо указывают на то, что провалившиеся переговоры привлекают гораздо меньше внимания исследователей переговорных процессов по сравнению с теми, которые завершились заключением того или иного соглашения между сторонами [10, р. 3]. Вместе с тем важнейшим отличием минилатеральных переговоров от многосторонних переговоров с десятками участников (и одновременно важнейшим сходством минилатеральных и двусторонних переговоров) является значимость с точки зрения их исхода ситуации, когда хотя бы одна сторона покидает стол переговоров. В то время как многосторонние переговоры с десятками участников могут оказаться успешными даже в том случае, если одна или даже несколько сторон выходят из переговорного процесса до заключения итогового соглашения, двусторонние и минилатеральные переговоры считаются провалившимися начиная с того момента, когда стол переговоров покидают представители по крайней мере одной стороны.

Иницируя переговоры с Латвией и Эстонией о переносе даты отключения от БРЭЛЛ, премьер-министр Литвы И. Шимоните рассчитывала на успех. В самом деле, Латвия и Эстония отказались от импорта электроэнергии из России и Беларуси в первой половине 2022 г., и можно было ожидать, что эти две страны согласятся сделать и следующий шаг — ускорить отключение от БРЭЛЛ с целью затруднить возврат к импорту электроэнергии из России и Беларуси в будущем. Однако успех переговоров не был предопределен в условиях, когда Латвия и Литва продолжали потреблять больше электроэнергии, чем производили работающие в этих странах электростанции. В начале XXI в. существовали ожидания, что по мере увеличения в странах Балтии производства электроэнергии из альтернативных источников в сочетании с повышением энергетической эффективности предприятий и домохозяйств и диверсификацией направлений сотрудничества в экономической сфере эти страны смогут перейти от энергетической зависимости от России к взаимозависимости [11], опираясь на опыт, например, Дании, сумевшей за последнюю четверть XX в. превратиться из импортера электроэнергии и энергоносителей в экспортера [12].

Однако этим ожиданиям не было суждено оправдаться, несмотря на то, что планы по развитию системы генерации электроэнергии, которые позволили бы в течение десяти-двадцати лет достичь независимости от импорта электроэнергии, начали разрабатываться в странах Балтии в начале 2010-х гг. [13]. Часть этих планов реализована к настоящему времени. Так, в Эстонии завершилось строительство Аувереской тепловой электростанции, которая при выработке электроэнергии может использовать как природный газ, так и горючий сланец, торф и даже биотопливо, под которым чаще всего понимается древесина и продукты ее переработки. В результате Эстония, в 2019—2021 гг. потреблявшая больше электроэнергии, чем она производила, смогла в 2022—2023 гг. вновь добиться превышения генерации над потреблением (табл. 1). В двух других странах Балтии были построены круп-

ные теплоэлектроцентрали вблизи некоторых городов, также ориентированные на использование биотоплива, в том числе в Клайпеде и Шауляе в Литве и в Елгаве в Латвии.

Таблица 1

Производство и потребление электроэнергии, а также энергетический баланс Латвии, Литвы и Эстонии в 2014—2023 гг., Гвт·ч

Год	Латвия			Литва			Эстония		
	Производство	Потребление	Баланс	Производство	Потребление	Баланс	Производство	Потребление	Баланс
2014	5140	6582	-1442	4397	10009	-5612	12447	7417	5030
2015	5534	6461	-927	4933	10165	-5232	10149	7440	2709
2016	6425	6482	-57	4266	10626	-6360	12170	7673	4497
2017	7532	6484	-1048	4188	10957	-6769	13161	7735	5426
2018	6725	6662	63	3512	11283	-7771	12365	8291	4074
2019	6439	6636	-197	3972	11409	-7437	7616	8257	-641
2020	5725	6688	-963	5518	11155	-4403	6079	8585	-2506
2021	5847	6930	-1083	5079	11953	-6874	7205	8099	-894
2022	4998	6717	-1719	4783	11452	-6669	8937	7306	1631
2023	6083	6560	-477	5386	11111	-5752	10009	7095	2914

Составлено на основе данных Евростата¹.

Параллельно строились ветровые и солнечные станции генерации, однако их совокупная мощность пока не позволяет им вырабатывать значимую долю электроэнергии в странах Балтии, где большая часть выработки производится за счет тепловых станций, за исключением Латвии, где работают несколько больших гидроэлектростанций, из которых крупнейшей является Плявиньская станция на Западной Двине. В 2023 г. Латвия и Литва смогли увеличить производство электроэнергии и сократить потребление по сравнению с 2022 г., однако и сегодня, как и десять лет назад, Латвия потребляет больше, а Литва — существенно больше электроэнергии, чем производят. Излишки электроэнергии, возникающие в Эстонии благодаря превышению генерации над потреблением в этой стране, способны покрыть дефицит электроэнергии, возникающий из-за превышения потребления над генерацией в Латвии, но не в Литве, потребляющей вдвое больше электроэнергии, чем она производит. В таблице 1 представлены данные по производству и потреблению электроэнергии, а также по разнице между производством и потреблением (энергетический баланс) в странах Балтии за последние десять лет.

Обусловленность планов развития систем генерации электроэнергии стран Балтии в целом и инициированных правительством Литвы переговоров по ускорению их отключения от БРЭЛЛ в частности распространенным среди элит этих стран страхом перед Россией становится дополнительным стимулом политизации вопросов энергетики. Вместе с тем страх перед Россией следует рассматривать лишь в качестве дополнительного фактора политизации этих вопросов. Такая политизация имеет место в большинстве стран Запада, даже в тех, где пресловутый «российский фактор» не играет столь значимой роли, как в странах Балтии. Исследователи обратили внимание на рост популярности словосочетания «энергетическая демократия», встречающегося не только в требованиях климатических активистов, но и в

¹ Gross and net production of electricity and derived heat by type of plant and operator, 2024, Eurostat, https://doi.org/10.2908/nrg_ind_peh ; Supply, transformation and consumption of electricity, 2024, Eurostat, https://doi.org/10.2908/nrg_cb_e (дата обращения: 01.11.2024).

стратегических документах, принятых во многих странах Запада на государственном уровне [14]. Под «энергетической демократией» понимаются как политическая ценность, разделяемая многими климатическими активистами, так и объективный процесс, благодаря которому климатические активисты приобретают все большую роль в формировании энергетических стратегий государств — процесс, который, как ожидается, ускорится вследствие четвертого энергетического перехода.

В этих условиях неудивительно, что политика стимулирования четвертого энергетического перехода стала вторым важнейшим фактором энергетической политики стран Балтии начиная с 2010-х гг. Если в результате первого энергетического перехода XIX в. уголь вытеснил биотопливо в качестве важнейшего источника энергии, при втором и третьем переходах в XX в. нефть вытеснила уголь, а природный газ — нефть соответственно, то в начале XXI в. возникли ожидания, что наиболее значимыми источниками энергии вскоре станут альтернативные, вытеснив природный газ с первого места. Эти ожидания, получившие название четвертого энергетического перехода, в условиях глобальной экономической взаимозависимости конца XX — начала XXI в. стали важным фактором энергетической политики большинства стран мира [15], включая страны Европейского союза и страны Балтии. Анализ научной литературы позволяет обнаружить три подхода к оценке взаимного влияния факторов страха перед Россией и четвертого энергетического перехода на энергетическую политику отстающих по уровню экономического развития от лидеров ЕС стран-участниц, к каковым относятся и страны Балтии.

Согласно первому подходу интересам снижения зависимости этих стран от импорта электроэнергии и энергоносителей из стран, не входящих в Евросоюз, включая Россию, а равно и целям четвертого энергетического перехода в наибольшей степени отвечает стратегия, не предполагающая форсирования как первого, так и второго процессов по политическим причинам. Эта стратегия опирается на ожидания сокращения отставания стран Балтии от лидеров ЕС по уровню экономического развития благодаря импорту электроэнергии и энергоносителей, в том числе из России, способной гарантировать европейскую и даже мировую энергетическую безопасность, понимаемую как стабильность поставок электроэнергии и энергоносителей в согласованных объемах и по согласованным ценам [16]. Когда же страны Балтии смогут догнать лидеров, например, когда Эстония, Латвия и Литва сравняются с Данией по показателю ВВП на душу населения, тогда в этих странах возникнут и предпосылки для сокращения импорта энергии, увеличения доли альтернативных источников в выработке электроэнергии и повышения энергетической эффективности предприятий и домохозяйств, подобно тому, как это произошло в Дании в конце XX в.

Согласно второму подходу стратегические цели снижения энергетической зависимости стран Балтии от России и форсирования четвертого энергетического перехода противоречат друг другу. Ряд исследователей предупреждает, что полный запрет импорта энергоносителей из России, обсуждаемый в настоящее время в Евросоюзе, окажет негативное влияние на темпы не только роста экономики европейских стран, но и осуществления четвертого энергетического перехода [17]. Упрощенно, импорт электроэнергии и энергоносителей из России создает в Эстонии экономические предпосылки для инвестирования в станции генерации электроэнергии из возобновляемых источников, в то время как отказ от такого импорта заставляет Эстонию сжигать больше горючего сланца ради производства электроэнергии. Рост популярности этого подхода в странах Балтии потенциально способен спровоцировать конфликт с наднациональными институтами Евросоюза, поскольку правительства этих стран, выбирая между независимостью от импорта из России и четвертым энергетическим переходом, предпочитают первое, а институты ЕС — второе.

Снять это противоречие позволяет третий подход, согласно которому форсирование четвертого энергетического перехода будет способствовать ускоренному сокращению импорта электроэнергии и энергоносителей из России. Оно приведет к демонтажу ныне существующих и формированию новых международных систем перемещения энергии, из-за конфигурации которых, а не из-за поставок энергии и возникает, по мнению П. Хёгзелиуса, энергетическая зависимость [18, р. 68—102]. Будут созданы новые системы, в результате изменится география поставок значимых для генерации электроэнергии товаров [19]. Упрощенно, если сегодня страны Балтии зависят от поставок энергоносителей из стран — экспортеров нефти и природного газа, включая Россию, то после осуществления четвертого энергетического перехода весь Европейский союз, по мнению, например, И. Шимоните, может оказаться в зависимости от поставок критического для энергетической отрасли программного обеспечения, аккумуляторов для электромобилей и ветряных турбин, производимых в Китае¹.

Энергетическая политика Европейского союза и административные реформы в странах Балтии

В практике реализации в Евросоюзе политики, нацеленной на форсирование четвертого энергетического перехода, часто можно обнаружить стремление к достижению отдельных количественных показателей, характеризующих энергетический баланс в отдельных странах, отдельных отраслях экономики и даже на отдельных предприятиях, без оглядки на то, как попытки любой ценой сделать это влияют на энергетический баланс в соседних странах, в смежных отраслях и на аналогичных предприятиях. Эту особенность практики реализации энергетической политики, играющую противоречивую роль в достижении ее целей, Дж. Стивенс предлагает называть «климатическим изоляционизмом» [20]. По аналогии стремление отдельных политиков и отдельных стран Балтии, а также всех Прибалтийских государств к решению тех или иных задач, что должно поспособствовать, по их мнению, ускорению четвертого энергетического перехода, без оглядки на влияние, которое решение этих задач оказывает на соседние страны, а также на отдельные отрасли экономики и отдельные предприятия в самих этих странах, в данной статье называется «энергетическим изоляционизмом».

Подход, предполагающий, что форсированный четвертый энергетической переход и форсированное же сокращение импорта электроэнергии и энергоносителей из России будут взаимно способствовать друг другу, был положен в основу энергетической политики Евросоюза, которая начала формироваться в середине 2000-х гг. Газовый конфликт между Россией и Украиной 2006 г. способствовал увеличению значимости российского фактора для процесса формирования этой политики [21]. В 2009 г. Евросоюз утвердил так называемые цели «20—20—20», предполагавшие, что к 2020 г. доля возобновляемых источников энергии возрастет в ЕС до 20 %, выбросы парниковых газов снизятся на 20 % к уровню 1990 г., а энергетическая эффективность возрастет также на 20 %. Еще в конце 2000-х гг. ряд исследователей предупреждал, что ущерб для благосостояния стран ЕС, если эти цели будут реализованы, окажется выше, чем его предварительно оценивала Европейская комиссия [22]. В целом по ЕС эти цели были достигнуты к 2020 г. (хотя и не все стра-

¹ Премьер Литвы предупредила ЕС о рисках в энергетике из-за Китая, *Спутник. Литва*, 28 марта 2024, URL: <https://lt.sputniknews.ru/amp/20240328/premier-litvy-predupredila-es-o-riskakh-v-energetike-iz-za-kitaya-32480482.html> (дата обращения: 01.11.2024).

ны-участницы выполнили свои задачи в рамках достижения этих целей в полном объеме), точная же оценка последствий для благосостояния Европы пока не была выполнена.

В 2015 г. Евросоюз поставил себе целью создание Европейского энергетического союза. Большинство задач и конкретных мероприятий, реализация которых, по задумке авторов проекта Энергетического союза, сделает его возникновение возможным, осталось теми же, которые ЕС планировал реализовать и раньше в контексте форсирования четвертого энергетического перехода. Однако были приняты и новые задачи, в первую очередь в сфере внешней энергетической политики, нацеленные на сокращение роли России как поставщика электроэнергии и энергоносителей в страны Евросоюза [23]. Наконец, в 2020 г. был утвержден так называемый Европейский зеленый курс, предполагающий, среди прочего, достижение Европейским союзом в целом углеродной нейтральности к 2050 г. Представляется, что реализация этого курса на практике непосредственно затронет не только российские интересы, но и интересы соседних с ЕС стран — экспортеров энергоносителей, например Алжира, а также интересы глобальных игроков на энергетическом рынке, таких как США, Китай и Саудовская Аравия [24].

План по выходу из БРЭЛЛ, согласованный странами Балтии, Польшей и Европейской комиссией во второй половине 2010-х гг., стал элементом реализации проекта создания энергетического союза ЕС. Реализация этого плана требовала не просто отключения стран Балтии от БРЭЛЛ, но и строительства дополнительных высоковольтных линий электропередачи, которые соединили бы Эстонию с Латвией, а Латвию с Литвой в обход России и Беларуси. Готовность Европейской комиссии поддержать этот план, причем не только политически, но и финансово, способствовала тому, что страны Балтии приняли решение не только выйти из БРЭЛЛ, но и синхронизировать свои энергетические системы именно с региональной синхронной сетью континентальной Европы, а не Северных стран [25]. Ведь в 2016 г., когда этот план начал обсуждаться, страны Балтии были связаны с континентальной Европой лишь одной только что запущенной высоковольтной линией постоянного тока, соединявшей Литву и Польшу, в то время как с Северной Европой страны Балтии были связаны тремя подводными высоковольтными линиями, из которых две соединяли Эстонию и Финляндию, а третья — Литву и Швецию.

Единственная линия электропередачи стала причиной первого конфликта между Литвой с одной стороны и Латвией и Эстонией — с другой по вопросам, непосредственно затрагивающим план выхода стран Балтии из БРЭЛЛ. В то время как правительство Литвы в 2017 г. утверждало, что одной линии электропередачи достаточно и выход из БРЭЛЛ трех стран Балтии можно было бы осуществить в течение одного-двух лет, правительства Эстонии и Латвии настаивали, что синхронизация с региональной сетью континентальной Европы не может быть проведена раньше, чем завершится как минимум строительство второй линии электропередачи¹. Речь шла о проекте подводной линии электропередачи «Гармония», которая соединяла бы Литву и Польшу по морскому дну в обход Калининградской области; этот проект не завершен и по настоящее время. Во второй половине 2017 г. Эстония председательствовала в Европейском союзе, что позволило ей добиться отсрочки реализации проекта по выходу стран Балтии из БРЭЛЛ и заручиться обещаниями финансовой поддержки этого проекта со стороны Европейской комиссии, включая строительство линии электропередачи «Гармония».

¹ Estonia, Lithuania Fail to Agree on How to Synchronize Power Grids with Western Europe, *Lithuania Tribune*, 21.07.2017, URL: <https://lithuaniantribune.com/estonia-lithuanian-fail-to-agree-on-how-to-synchronize-power-grids-with-western-europe/> (дата обращения: 01.11.2024).

Уже в конце 2017 г. Европейская комиссия одобрила третий «список проектов, представляющих общий интерес», среди которых четвертое место занял «приоритетный коридор» под названием «План подключения Балтийского энергетического рынка»¹. В начале 2018 г., накануне публикации списка приоритетных проектов, президенты Европейской комиссии и Литвы, а также главы правительств Эстонии, Латвии и Польши смогли назвать конкретную дату выхода стран Балтии из БРЭЛЛ — 2025 г.². Таким образом, в переговорах между странами Балтии о сроках отключения от БРЭЛЛ представляется возможным выделить два этапа. На первом этапе, проходившем в 2017-2018 гг., эти переговоры, в классификации А. А. Посажениковой и М. М. Лебедевой [26, с. 47], характеризовались как торг: представители Литвы на них выступали за скорейшее отключение всех трех стран Балтии от БРЭЛЛ, в то время как представители Латвии и Эстонии — за более поздние сроки отключения.

В данной статье наибольшее внимание уделяется второму этапу переговоров, на котором их можно было охарактеризовать, по той же классификации, как попытку убеждения, предпринятую Литвой. В конце 2019 г., когда первый этап переговоров уже был завершен, а начало второго этапа едва ли можно было предвидеть, комиссаром Европейской комиссии по вопросам энергетики стала представительница Эстонии К. Симсон, остававшаяся в этой должности до 2024 г. Благодаря ей Исполнительное агентство инноваций и сетей, — структура, созданная Европейской комиссией в 2013 г. вместо Трансъвропейского исполнительного агентства транспортных сетей, — подписало с операторами энергетических сетей стран Балтии и Польши соглашение о выделении гранта в размере 720 млн евро, на средства которого предполагалось построить инфраструктуру, которая позволила бы реализовать план выхода стран Балтии из БРЭЛЛ к 2025 г.³.

Стремление Европейской комиссии форсировать четвертый энергетический переход потребовало не только финансирования, но и административных изменений в странах-участницах. При этом Европейской комиссии пришлось согласиться с тем, что в разных странах сложились как минимум две модели политического управления энергетическим переходом. В таких странах, как Франция, где цели экономического развития и энергетического перехода не противоречат друг другу, возникла «технократическая» модель политического управления этим процессом, характерной особенностью которой является наделение соответствующими полномочиями министерства экономики [27]. Ярким примером среди стран Балтийского региона является Германия, где при формулировании целей экономической и энергетической политики задачи по сокращению выбросов, способствующих изменению климата, учитывались начиная с 1970-х гг. [28]. В 2021 г. должность министра экономики и энергетики в Германии получила название министра экономики и климата одновременно с переименованием соответствующего федерального министерства.

¹ Commission Delegated Regulation (EU) 2018/540 of 23 November 2017 amending Regulation (EU) № 347/2013 of the European Parliament and of the Council as regards the Union list of projects of common interest, *Official Journal of the European Union*, L90/38-58, 6.04.2018, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R0540> (дата обращения: 01.11.2024).

² Juncker, J.C., Grybauskaitė, D., Ratas, J., Kučinskis, M., Morawiecki, M. 2018, Energy Union: Synchronisation of the Baltic States' Electricity Network with the European System Will Strengthen Solidarity and Regional Security of Supply, *European Commission*, URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_18_2142 (дата обращения: 01.11.2024).

³ Baltic States and Poland Sign € 720 Million Grant Agreement for the Baltic Synchronisation Project, *European Commission*, 14.12. 2019, URL: https://commission.europa.eu/news/baltic-states-and-poland-sign-eu720-million-grant-agreement-baltic-synchronisation-project-2020-12-14_en (дата обращения: 01.11.2024).

В тех же странах, где энергетический переход рассматривается в качестве возможного ограничителя экономического развития, вопросы энергетики, ранее находившиеся в ведении министерства экономики, были переданы другому министерству, чаще всего — министерству окружающей среды. По такому пути пошла, например, Эстония. В 2019 г., когда премьер-министром страны был Ю. Ратас, она пыталась сопротивляться (вместе с Польшей, Венгрией и Чехией) утверждению Европейского зеленого курса, пусть и недолго [29]. Однако пришедшие к власти после 2021 г. три правительства К. Каллас активно поддержали как цели Европейского энергетического союза, так и связанную с их реализацией административную реформу. Так, при формировании третьего правительства К. Каллас в 2023 г. в ведение министерства окружающей среды были переданы вопросы энергетики, само министерство было переименовано в министерство климата, а в правительстве появилась должность министра климата, которую занял К. Михал. Когда же в 2024 г. К. Михал сам стал премьер-министром, в его правительстве были созданы две министерские должности: министра инфраструктуры, отвечающего также за вопросы энергетики, которую занял В. Свет, и министра климата, отвечающего также за вопросы окружающей среды, которую заняла Й. Алендер. Эстонское министерство климата оказалось в подчинении у двух министров.

Такая модель характерна для быстро развивающихся экономик стран Азии, таких как Китай и Индия, и Латинской Америки, таких как Бразилия и Мексика. Из крупных стран Евросоюза такую модель приняла Польша, которая еще в середине 2019 г. вместе с Эстонией пыталась препятствовать утверждению Европейского зеленого курса. Как в Эстонии производство электроэнергии происходит по большей части за счет сжигания горючего сланца, так и в Польше каменный уголь занимает наибольшую долю в энергетическом балансе страны [30]. Однако уже в конце 2019 г. во втором кабинете М. Моравецкого были созданы одновременно должности министра окружающей среды, которую занимал М. Вос, и министра климата, которую занимал М. Куртыка, ставший министром климата и окружающей среды после окончания переходного периода, в течение которого параллельно действовали три министерства — экономики; энергетики и климата; охраны окружающей среды — и объединения двух последних должностей в конце 2020 г.

В Латвии аналогичный переходный период начался в 2022 г. В начале 2022 г. будущий министр обороны в правительстве Э. Селини А. Спрудс с коллегами опубликовал статью о необходимости смены «стратегического нарратива» о климатической политике в Латвии [31], а в конце того же года во втором правительстве К. Кариньша появилась должность министра климата и энергетики. Вновь созданному министерству климата и энергетики были переданы функции в сфере регулирования энергетики, ранее находившиеся в ведении министерства экономики, а также функции по реализации климатической политики, которые до этого выполняло министерство охраны окружающей среды и регионального развития. В 2023 г. переходный период в Латвии продолжился: в кабинете Э. Селини сохранились должности и министра экономики, и министра климата и энергетики, и министра охраны окружающей среды и регионального развития. В Литве в первой половине 2020-х гг. параллельно действовали министерство экономики и инноваций, министерство окружающей среды и министерство энергетики, отвечавшее также за реализацию климатической политики.

Позиции Литвы, Латвии и Эстонии на переговорах по форсированию отключения от БРЭЛЛ

Построить модель переговоров о возможном форсировании отключения стран Балтии от БРЭЛЛ, которые Эстония, Латвия и Литва вели с конца 2022 г. до середины 2023 г., позволяет методология, выработанная в рамках теории игр.

Разработанная в период существования биполярной системы международных отношений (см., [напр., 32]), она не теряет своей актуальности и сегодня [33]. Если первые игровые модели разрабатывались для анализа двусторонних переговоров с двумя вариантами их исхода, то впоследствии появились модели, позволяющие не только описать переговоры большего числа участников, обсуждающих более двух вариантов исхода этих переговоров, но и оценить вероятность реализации каждого из этих вариантов на практике [34]. Построение такой модели требует определить, во-первых, возможные варианты исхода переговоров, а во-вторых, предпочтения каждой из участвующих в переговорах сторон относительно этих вариантов. Это, в свою очередь, требует обращения к текстам публичных выступлений политических лидеров стран Балтии.

В первой половине 2022 г. для литовских политиков были характерны крайне осторожные заявления относительно как административной реформы, так и перспектив отключения от БРЭЛЛ до 2025 г. Так, летом 2022 г. президент Литвы Г. Науседа заявил, что его страна готова к немедленному отключению от БРЭЛЛ, но лишь в том случае, если это произойдет по инициативе России, которая якобы может отключить страны Балтии от БРЭЛЛ в ответ на ограничение транзита товаров в Калининградскую область через территорию Литвы, введенное этой страной весной того же года¹. О досрочном отключении от БРЭЛЛ по инициативе самих стран Балтии речи не шло вплоть до ноября 2022 г., когда премьер-министр Литвы И. Шимоните, выступая на заседании Вильнюсского форума зеленых технологий, заявила, что в следующем, 2023-м, году страна примет решение, когда именно произойдет ее отключение от БРЭЛЛ, подразумевая, что это случится раньше 2025 г.² Три недели спустя И. Шимоните официально вступила в политическую партию «Союз отечества» и поставила своей целью участие в президентских выборах в Литве 2024 г. в качестве основного кандидата от этой партии. Впрочем, президентские выборы 2024 г. она проиграла, уступив действующему президенту Г. Науседе, избранному на второй срок.

И. Шимоните сделала форсированное отключение стран Балтии от БРЭЛЛ центральным вопросом своей президентской кампании. С ее подачи в апреле 2023 г. литовский национальный оператор электрических сетей компания «Литгрид» провела учения, целью которых было оценить потенциальные угрозы, связанные с функционированием литовских электрических сетей в изолированном режиме, независимо и от БРЭЛЛ, и от региональной синхронной сети континентальной Европы, и от североευропейской синхронной сети, и даже от национальных электрических сетей Эстонии и Латвии. Первоначально литовский оператор приглашал сетевые компании Латвии и Эстонии провести совместные учения, которые в случае успеха продемонстрировали бы готовность всех трех стран Балтии отключиться от БРЭЛЛ ранее 2025 г.³ Латвийская компания «АСТ» и эстонская компания «Элеринг» отказались участвовать в учениях, ссылаясь на инфраструктурные трудности. В результате литовской компании пришлось проводить учения в одиночку,

¹ Науседа: Литва готова к отключению от БРЭЛЛ, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija rusiškai*, LRT, 23.06. 2022, URL: <https://www.lrt.lt/ru/novosti/17/1725836/nauseda-litva-gotova-k-otkliucheniiu-ot-brell> (дата обращения: 01.11.2024).

² Next Year Lithuania Will Announce When Electric Power System Will be Synchronized with the West, *Delfi*, 24.11.2022, URL: <https://www.delfi.lt/en/business/next-year-lithuania-will-announce-when-electric-power-system-will-be-synchronised-with-west-91838599> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Gaidamavičius, G. 2023, Lithuania Pressing Baltic Neighbours for Early Disconnect from BRELL, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 18.04.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1964974/lithuania-pressing-baltic-neighbours-for-early-disconnect-from-brell> (дата обращения: 01.11.2024).

однако их успех позволил И. Шимоните заявить, что Литва способна в одностороннем порядке отключиться от БРЭЛЛ ранее 2025 г., даже если Эстония и Латвия откажутся последовать за ней¹.

В июне 2023 г. парламент Литвы единогласно проголосовал за ускорение отключения страны от БРЭЛЛ². Таким образом, Литва, в классификации М. А. Хрусталева [35, с. 68], прибегла к ультимативной переговорной стратегии, попытавшись свести переговоры к обсуждению всего двух вариантов: отключение от БРЭЛЛ либо всех трех стран Балтии одновременно в начале 2024 г., либо Литвы в начале 2024 г. в одностороннем порядке с непредсказуемыми последствиями для энергетической безопасности Латвии и Эстонии (а также Калининградской области России). Латвия и Эстония, в свою очередь, призвали Литву к выбору в пользу партнерской стратегии на переговорах, в той же классификации, предполагающей выбор решения проблемы, значимость которой все три страны Балтии признают, из большего, чем два, числа вариантов, включая и наиболее предпочтительный с точки зрения Эстонии и Литвы вариант, предполагающий отключение всех трех стран Балтии от БРЭЛЛ одновременно и в ранее согласованные сроки, то есть в начале 2025 г.

В октябре 2023 г. литовский «Союз отечества» официально назвал И. Шимоните своим кандидатом на предстоящих президентских выборах³. Вопрос досрочного отключения стран Балтии от БРЭЛЛ остался ключевым для ее кампании. Даже в октябре 2023 г., то есть через два месяца после того, как Литва, Латвия и Эстония окончательно договорились, что их одновременное отключение от БРЭЛЛ произойдет в феврале 2025 г., литовский премьер-министр продолжала утверждать, что она делает все возможное, чтобы отключение состоялось раньше⁴. Однако этот вопрос так и остался элементом ее персональной президентской кампании, не став, например, значимым вопросом для кампании «Союза отечества» на парламентских выборах в Литве в октябре 2024 г., где основным соперником этой партии стали набирающие популярность социал-демократы, которые, стремясь сосредоточиться на парламентской кампании, отказались выдвинуть собственного кандидата на президентских выборах, поддержав действующего главу государства Г. Науседу⁵.

Избранная литовскими социал-демократами стратегия оправдалась лишь частично. На выборах в Европейский парламент, которые в Литве были проведены одновременно со вторым туром президентских выборов, «Союз отечества» обошел «Социал-демократическую партию» по числу набранных голосов: консерва-

¹ Lithuania Completes Electricity Grid Test, 'Giant Step towards Energy Independence', *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 24.04.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1969404/lithuania-completes-electricity-grid-test-giant-step-towards-energy-independence> (дата обращения: 01.11.2024).

² The Seimas Advances Synchronisation with the Continental European Network, *Lietuvos Respublikos Seimas*, 15.06.2023, URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=35435&p_k=2&p_t=285335 (дата обращения: 01.11.2024).

³ Lithuanian PM to Run for President on TS-LKD Ticket after All Party Contenders Withdraw, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 05.10.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2092730/lithuanian-pm-to-run-for-president-on-ts-lkd-ticket-after-all-party-contenders-withdraw> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Vaišvilaitė, J. 2023, Prime Minister: Lithuania Does Everything It Can to Disconnect from BRELL Ring Sooner, *Delfi*, 18.10.2023, URL: <https://www.delfi.lt/en/politics/prime-minister-lithuania-does-everything-it-can-to-disconnect-from-brell-ring-sooner-94836213> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Lithuania's Social Democrats Endorse Incumbent Nausėda in Presidential Election, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 05.02.2024, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2187488/lithuania-s-social-democrats-endorse-incumbent-nauseda-in-presidential-election> (дата обращения: 01.11.2024).

торы получили три из одиннадцати закрепленных за Литвой депутатских мандатов в новом составе Европарламента, а социал-демократы — только два¹. Однако на прошедших в октябре 2024 г. парламентских выборах социал-демократы получили на 39 депутатских мандатов больше, чем в 2020 г., став крупнейшей парламентской партией страны, в то время как консерваторы получили на 22 мандата меньше, чем четыре года назад, заняв лишь второе место по размеру фракции в Сейме. В общей сложности социал-демократы по результатам двух туров выборов получили 52 депутатских мандата и сформировали правительство в коалиции с правопопулистской партией «Рассвет над Неманом» и Демократическим союзом «Во имя Литвы», а консерваторы — лишь 28, став крупнейшей оппозиционной партией².

Как и в Литве, в Латвии первые призывы к досрочному отключению стран Балтии от БРЭЛЛ прозвучали в 2022 г. от политиков, усмотревших в таких призывах шанс улучшить свои результаты на парламентских выборах, которые должны были пройти осенью 2022 г. Более других латвийских политиков на необходимости скорейшего выхода всех трех стран Балтии из БРЭЛЛ настаивала представитель консервативной партии «Национальный союз» И. Индрексоне, тогда занимавшая пост парламентского секретаря министерства экономики³. Резкая антироссийская риторика в сочетании с конкретными предложениями по форсированию сокращения импорта электроэнергии и энергоносителей из России, включая и выход из БРЭЛЛ, позволила ей занять должность министра экономики, когда вследствие выхода из состава правящей коалиции популистской партии «За гуманную Латвию», ранее известной как «Кому принадлежит государство?», представители этой партии покинули коалицию. В том числе в отставку был отправлен прежний министр экономики Я. Витенбергс; ему не помогло даже то, что в 2021 г. он вышел из рядов партии «За гуманную Латвию» и перешел в Национальный союз⁴.

На посту министра экономики И. Индрексоне продолжала выступать за ускорение выхода из БРЭЛЛ. Однако после парламентских выборов конца 2022 г., хотя она и сохранила пост министра экономики, у нее стало меньше возможностей для реализации этой идеи на практике: в результате вышеупомянутой административной реформы вопросы энергетики были переданы от министерства экономики к новому министерству климата и энергетики. Занявший пост министра климата и энергетики представитель партии премьер-министра К. Кариньша «Новое единство» Р. Чударс в марте 2023 г. подтвердил, что выход стран Балтии из БРЭЛЛ запланирован на 2025 г. и что они находятся «в самой середине» процесса подготовки инфраструктуры к этому событию, а Латвия предпочла бы сохранить приверженность утвержденному в 2018 г. плану⁵. Пришедшее к власти в сентябре 2023 г. пра-

¹ 2024 m. birželio 9 d. rinkimai į Europos Parlamentą, Lietuvos Respublikos Vyriausioji Rinkimų Komisija, 16.06.2024, URL: <https://www.vrk.lt/2024-europos-parlamento/rezultatai?srcUrl=/rinkimai/1546/1/2146/rezultatai/lt/rezultataiEpIsrinktiNariai.html> (дата обращения: 01.11.2024).

² 2024 m. spalio 13 d. Lietuvos Respublikos Seimo rinkimai (I Turas), Lietuvos Respublikos Vyriausioji Rinkimų Komisija, 11.03.2024, URL: <https://www.vrk.lt/2024-seimo/rezultatai?srcUrl=/rinkimai/1544/1/2150/rezultatai/lt/rezultataiIsrinktiNariai.html> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Baltic States Have Agreed to Disconnect from Russian Power Grid Already Before 2025, *The Baltic Times*, 08.03.2022, URL: https://www.baltictimes.com/baltic_states_have_agreed_to_disconnect_from_russian_power_grid_already_before_2025/ (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Kincis, J. 2022, Premjers paraksta rīkojumu par ekonomikas ministra Vitenberga demisiju, *Latvijas Sabiedriskais medijs*, 18.05.2022, URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/premjers-paraksta-rikojumu-par-ekonomikas-ministra-vitenberga-demisiju.a457342/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Patricolo, C. 2023, Latvia Aspires to Become Energy Independent and Unlock Renewables Potential: Interview with Raimonds Čudars, Minister of Climate and Energy, *Central Europe Energy News*, 02.03.2023, URL: <https://ceenergynews.com/interviews/latvia-aspires-to-become-energy-independent-and-unlock-renewables-potential-interview-with-raimonds-cudars-minister-of-climate-and-energy/> (дата обращения: 01.11.2024).

вительство Э. Селини, в котором пост министра климата и энергетики занял представитель «Союза зеленых и фермеров» К. Мельнис, продолжило придерживаться плана, по которому выход из БРЭЛЛ должен произойти в 2025 г.

В Эстонии, где парламентские выборы были запланированы на март 2023 г., ни одна политическая партия не попыталась сделать форсированное отключение от БРЭЛЛ элементом своей предвыборной кампании. Еще в декабре 2022 г. премьер-министр и лидер наиболее популярной Партии реформ К. Каллас заявила, что целый ряд технических вопросов, решение которых сделает будущее отключение от БРЭЛЛ максимально безопасным для эстонского потребителя, пока остается нерешенным¹. Утвержденная к выборам 2023 г. политическая платформа «Партии реформ» содержала обещание «разрабатывать планы быстрее, чем обычно, в условиях охватившей Европу энергетической войны», однако это обещание касалось главным образом административных перемен в самой Эстонии, которые позволили бы ускорить согласование чиновниками значимых для энергетического сектора проектов, а не международного сотрудничества в сфере энергетики². Обсуждение возможности поддержать премьер-министра Литвы И. Шимоните — наиболее активную сторонницу отключения стран Балтии от БРЭЛЛ — и форсировать этот процесс началось в Эстонии уже после выборов и прихода к власти третьего кабинета министров К. Каллас.

Так, в конце апреля 2023 г. было объявлено, что в июле того же года в отставку уйдет глава эстонского национального оператора электрических сетей компании «Элеринг» Т. Вескимяги, бывший министр финансов Эстонии в 2003—2005 гг. и бывший муж тогда еще будущего премьер-министра К. Каллас³. На посту главы «Элеринг» Т. Вескимяги сделал отключение Эстонии от БРЭЛЛ одной из важнейших своих задач, однако в то же время он активно выступал против форсирования этого процесса, предпочитая придерживаться ранее утвержденного плана, согласно которому отключение должно произойти в 2025 г. Так, в июне 2023 г., все еще оставаясь главой «Элеринг», комментируя решение литовского сейма о форсировании выхода Литвы из БРЭЛЛ, он заявил, что если Литва действительно осуществит отключение в одностороннем порядке, то это будет нарушением ее обязательств перед Латвией и Эстонией⁴. Когда Т. Вескимяги на посту главы «Элеринг» сменил К. Кильк, позиция и компании, и контролирующего ее министерства климата Эстонии, и всего эстонского правительства осталась прежней: отключение от БРЭЛЛ ранее 2025 г. нежелательно для Эстонии.

Таким образом, модель переговоров между Эстонией, Латвией и Литвой о возможном форсировании отключения стран Балтии от БРЭЛЛ должна включать три возможных варианта исхода этих переговоров. Во-первых, три страны могли согласиться оставить в действии утвержденный в 2018 г. план, согласно которому их отключение от БРЭЛЛ должно произойти в 2025 г. Именно таким оказался исход этих переговоров на практике. Во-вторых, премьер-министры Латвии и

¹ Synchronization Still Lacks Technical Elements – Estonian PM, *The Baltic Times*, 09.12.2022, URL: https://www.baltictimes.com/synchronization_still_lacks_technical_elements___estonian_pm/ (дата обращения: 01.11.2024).

² Reformierankond. 2023, *Energeetika*, in *Kindlates kättes Eesti!*, Reformierakonna programm: Riigikogu valimised, URL: <https://reform.ee/riigikogu-valimised-2023/valimisprogramm/energeetika/> (дата обращения: 01.11.2024).

³ The CEO of Elering Taavi Veskimägi Is Resigning, *Elering*, 25.04.2023, URL: <https://www.elering.ee/en/ceo-elering-taavi-veskimagi-resigning> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Ots, M. 2023, *Veskimäe hinnangul tähendaks Leedu kiirsünkroniseerimine lepingu rikkumist, Eesti rahvusringhääling*, 16.06.2023, URL: <https://www.err.ee/1609009838/veskimae-hinnangul-tahendaks-leedu-kiirsunkroniseerimine-lepingu-rikkumist> (дата обращения: 01.11.2024).

Эстонии К. Кариньш и К. Каллас могли принять решение поддержать свою коллегу И. Шимоните и согласиться с отключением стран Балтии от БРЭЛЛ уже в начале 2024 г., невзирая на издержки, связанные с недостаточной технической готовностью энергетических систем этих двух (а возможно, и всех трех) стран к досрочному отключению. Наконец, в-третьих, переговоры могли провалиться, в результате чего Латвия и Эстония столкнулись бы с односторонним отключением Литвы от БРЭЛЛ весной 2024 г. Иными словами, позиции Эстонии и Латвии на этих переговорах были схожими, в то время как позиция Литвы существенно отличалась от них.

Для Эстонии и Латвии наиболее предпочтительным исходом переговоров был бы первый вариант. Наименее же предпочтительным для Эстонии и Латвии оказался бы третий вариант, хотя в результате пробной попытки отключиться от БРЭЛЛ в одностороннем порядке, предпринятой Литвой в апреле 2023 г., энергетические сети Эстонии и Латвии не пострадали¹. Для Литвы, в свою очередь, или по крайней мере для литовского премьер-министра И. Шимоните наиболее предпочтительным исходом переговоров оказался бы второй вариант, а наименее предпочтительным — первый. Вместе с тем Литве пришлось согласиться именно с таким исходом переговоров. В июле 2023 г. Государственный совет обороны Литвы под председательством основного конкурента И. Шимоните на президентских выборах 2024 г. действующего президента Г. Науседы рекомендовал правительству согласиться с предложением Эстонии и Латвии об отключении стран Балтии от БРЭЛЛ в феврале 2025 г.². Анализ позиций Эстонии, Латвии и Литвы позволяет сформировать модель этих переговоров, представленную в таблице 2.

Таблица 2

**Модель переговоров между правительствами Эстонии, Латвии и Литвы
в 2022—2023 гг. по вопросу о форсировании отключения стран Балтии от БРЭЛЛ**

Страна	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Эстония	3	2	1
Латвия	3	2	1
Литва	1	3	2
Эквивалибриум	7	7	4

Причины неготовности большинства стран Балтии принять во внимание интересы меньшинства

Представленная в таблице 2 модель позволяет предсказать, что при вышеописанных позициях участвующих в переговорах стран третий вариант исхода этих переговоров, связанный с их провалом и односторонним отключением Литвы от БРЭЛЛ весной 2024 г., представляется наименее вероятным. Поскольку энергетическая безопасность Калининградской области Российской Федерации зависит в первую очередь от действий именно этой страны Балтии, связанность ее действий позициями Латвии и Эстонии предоставила России дополнительный год для реализации мер, направленных на укрепление энергетической безопасности своего эксклава. С 2014 г., когда Литва впервые допустила возможность прекращения тран-

¹ Estonia Unaffected by Lithuania's Electricity System Disconnection Test, *Eesti rahvusringhääling*, 23.04.2023, URL: <https://news.err.ee/1608956381/estonia-unaffected-by-lithuania-s-electricity-system-disconnection-test> (дата обращения: 01.11.2024).

² State Defence Council Asks Government to Agree with Baltics on Synchronisation in 2025, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 24.07.2023, URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/2042098/state-defence-council-asks-government-to-agree-with-baltics-on-synchronisation-in-2025> (дата обращения: 01.11.2024).

зита электроэнергии в Калининградскую область через свою территорию, Россией был достигнут значимый прогресс в данном направлении [36]. Однако дополнительный год, которым Россия смогла воспользоваться благодаря тому, что прогноз, основывающийся на представленной в данной статье модели, оказался верным, позволил сделать эти меры более эффективными.

Первый и второй варианты исхода переговоров парадоксальным образом являются равновероятными. При этом первый вариант, который и был реализован на практике, предполагает, что большинство (Эстония и Латвия) стран со схожими позициями заставило меньшинство (Литву) согласиться с наиболее предпочтительным для большинства вариантом исхода переговоров, пусть для меньшинства этот вариант был и наименее предпочтительным. Второй же вариант, если бы переговоры завершились принятием его всеми сторонами, означал бы, что большинство согласилось с не самым выгодным для себя вариантом ради того, чтобы ни одной стороне, участвующей в переговорах, не пришлось соглашаться с наименее выгодным для себя вариантом. Как первый, так и второй варианты предполагают, что все три страны Балтии будут действовать единым образом, что позволяет говорить о возникновении между ними солидарности в вопросах энергетической политики. Вместе с тем дискуссия о солидарности стран по тем или иным вопросам требует различать солидарность с большинством (первый вариант) и солидарность с меньшинством (второй вариант) [9].

Страны Балтии в отношениях друг с другом чаще склонны к проявлениям солидарности с большинством. Для двух из них пока крайне трудно согласиться с тем из обсуждаемых на переговорах между ними вариантов общего решения той или иной проблемы, который не является самым выгодным с их точки зрения, даже если их согласие с этим вариантом позволит третьей стране избежать необходимости согласиться с наименее выгодным для себя вариантом. Так, во второй половине 2010-х гг. Литве оказалось крайне трудно убедить Эстонию и Латвию отказаться в будущем от импорта электроэнергии, производимой на Белорусской атомной электростанции, строительство которой должно было завершиться (и реально завершилось) в 2020 г. Так, еще в начале 2016 г., когда на площадке будущей станции только начался монтаж ее первого энергоблока, премьер-министр Литвы А. Буткявичюс, представитель «Социал-демократической партии», заявил об отказе Литвы когда-либо в будущем импортировать электроэнергию с Белорусской АЭС¹. Одновременно он призвал правительства Латвии и Эстонии также отказаться от импорта электроэнергии с этой станции.

После поражения литовских социал-демократов на парламентских выборах 2016 г. пришедшее к власти правительство С. Сквернялиса продолжило убеждать правительства Латвии и Эстонии отказаться от импорта электроэнергии с Белорусской АЭС. Переговоры заняли четыре года и потребовали вмешательства Европейской комиссии, которая поддержала позицию Литвы и пообещала финансовую поддержку энергетическому сектору Латвии и Эстонии в случае, если эти страны согласятся с менее выгодным для себя вариантом, продвигаемым правительством Литвы². Однако добиться согласия Латвии, за которой вскоре последовала и Эстония, удалось лишь в 2020 г., после того как все три страны не только отказались признавать результаты президентских выборов в Беларуси (что не предполагало материальных затрат), но и отказались от импорта любой электроэнергии из этой

¹ PM: Lithuania Won't Buy Electricity from Belarus' New NPP, *The Baltic Course*, 15.03.2016, URL: <https://www.baltic-course.com/eng/energy/?doc=118131> (дата обращения: 01.11.2024).

² Istrate, D. 2020, Baltic States Will Not Buy Energy from Belarus NPP, *Emerging Europe*, 13.02.2023, URL: <https://emerging-europe.com/news/baltic-states-will-not-buy-energy-from-belarus-npp/> (дата обращения: 01.11.2024).

страны (решение, способное нанести Латвии и Эстонии в перспективе материальный ущерб, который лишь частично компенсировался бы обещанной поддержкой Европейской комиссии)¹. Убедить же лидеров Эстонии и Латвии согласиться с не самым выгодным для них вариантом решения за короткий срок в 2022—2023 гг. И. Шимоните не удалось.

Находить компромиссы друг с другом странам Балтии мешает и внутривнутриполитическая ситуация в каждой из них. Соседние со странами Балтии Северные страны в послевоенный период научились находить компромиссы, что позволило достичь беспрецедентно высокого уровня сотрудничества в рамках Северного совета во многом благодаря тому, что социал-демократические партии, начавшие продвигать идею солидарности Северных стран еще до начала Второй мировой войны [37], долгое время либо находились у власти (в Дании, Швеции и Норвегии), либо играли важную роль в процессе принятия решений (в Финляндии и Исландии). В странах Балтии же, где в Литве внутренняя политика характеризуется непрерывной борьбой консерваторов и социал-демократов [38], а в Латвии и Эстонии — в силу демографических особенностей — стремлением не допустить к власти популярные партии, считающиеся там «пророссийскими», что требует нахождения сложных компромиссов между позициями прочих партий (хотя латвийское «Согласие» и эстонские центристы могут считаться «пророссийскими» лишь в контексте этих стран), о поисках компромисса с политическими партиями в соседних странах речи идти пока не может.

В Северных странах послевоенного периода социал-демократы могли долгое время находиться у власти еще и потому, что в те годы в Европе, благодаря бурному экономическому росту, давление на партии, входящие в правящие коалиции, было много меньше, чем в начале XXI в. Как отмечает Д. ван Рейбрук, если еще в 1970-е гг. партии, присоединявшиеся к правящей коалиции, теряли в следующих выборных циклах в среднем 2 % голосов избирателей, то в 1990-х гг. — уже в среднем 6 %, а в начале XXI в. — 8 % [39, р. 9]. В странах Балтии эта тенденция наилучшим образом проявляется в Литве, где консерваторы из «Союза отечества» выигрывали парламентские выборы 2008, 2016 и 2020 гг., находясь в оппозиции [40], однако неизбежным следствием их нахождения во главе правящей коалиции было поражение на парламентских выборах 2004, 2012 и 2024 гг., когда они получали меньше депутатских мандатов, чем «Рабочая партия Литвы» (также известная в России как «Партия труда») и социал-демократы.

Внутренняя политика постсоветской Латвии определяется главным образом этнополитическими факторами [41]. На протяжении уже более двадцати лет во главе правящей коалиции здесь находится, по сути, одна и та же политическая партия, которая, утрачивая вследствие подмеченной Д. ван Рейбруком тенденции голоса избирателей, как это произошло в результате парламентских выборов 2006, 2011, 2014 и 2018 гг., меняет не только партийных лидеров, но и название партии: с «Нового времени» на «Единство», а затем на «Новое единство», вновь выигрывая выборы после переименования, как в 2002, 2010 и 2022 гг. Наконец, в Эстонии начиная с выборов 2007 г. наиболее популярной политической партией остается «Партия реформ», несмотря на то, что эта партия находится во главе правящей коалиции с 2005 г., за исключением периода 2016—2021 гг., когда она была в оппозиции, а во главе правящей коалиции находилась «Центристская партия» [42]. Для послед-

¹ Prime Minister: Latvia Will Not Buy Belarusian Nuke Plant Electricity, *Latvian Public Broadcasting*, 26.08.2020, URL: <https://eng.lsm.lv/article/economy/economy/prime-minister-latvia-will-not-buy-belarusian-nuke-plant-electricity.a371831/> (дата обращения: 01.11.2024).

ней, впрочем, отмеченная Д. ван Рейбруком тенденция проявилась в полной мере: популярность этой партии, бывшая самой высокой до 2007 г. и на втором месте в 2007—2019 гг., рухнула после четырех лет пребывания у власти.

Стремление правящих партий Латвии и Эстонии сохранять контроль над правительством в течение продолжительного периода времени объясняет и схожесть их позиций на инициированных Литвой переговорах по актуальным вопросам энергетической политики, таким как потенциальные закупки электроэнергии, производимой Белорусской АЭС, и отключение от БРЭЛЛ. В обоих случаях позиция Латвии и Эстонии заключалась в том, чтобы изменения в энергетической политике были минимальными, несмотря на меняющуюся геополитическую ситуацию, даже несмотря на то, что в обоих случаях позиция Литвы получала поддержку со стороны Европейской комиссии. Правящие партии Латвии и Эстонии справедливо опасаются, что резкие перемены в энергетической политике окажутся болезненными для потребителей, что в итоге приведет к поражению на грядущих парламентских выборах. Напротив, в Литве, где правящая партия чаще всего проигрывает парламентские выборы и переходит в оппозицию, для пришедшей к власти партии характерно инициировать резкие изменения в энергетической политике, негативные последствия которых для потребителей, как правило, наступают уже тогда, когда эта партия уходит в оппозицию.

Оставаясь неспособными договориться по тактическим вопросам энергетической политики, страны Балтии вместе с тем сохраняют единство на стратегическом уровне. Большинство представителей элит всех трех стран вне зависимости от партийной принадлежности соглашается с тем, что сохранение зависимости от поставок электроэнергии и энергоносителей из России и Беларуси не соответствует целям обеспечения энергетической безопасности. Еще в 2018 г., стремясь убедить коллег в Латвии и Эстонии более активно препятствовать реализации планов по строительству Белорусской АЭС, глава литовского оператора электрических сетей «Литгрид» Д. Вирбицкас предупреждал, что, когда первый реактор Белорусской АЭС начнет функционировать, не только литовская энергетическая система, но и энергетические системы Латвии и Эстонии будут вынуждены работать «в чрезвычайных условиях», если к этому времени они все еще будут синхронизированы с российской и белорусской системами в рамках кольца БРЭЛЛ¹. В качестве основной угрозы в данном контексте называлась возможность веерных отключений из-за нестабильной работы Белорусской АЭС.

После отключения стран Балтии от БРЭЛЛ и заземления высоковольтных линий электропередач, связывающих эти страны с Беларусью и Россией, в том числе с Калининградской областью, страны Балтии и в самом деле окажутся защищены от веерных отключений, вызванных нестабильностью в энергетических системах России и Беларуси. Теперь они смогут произойти лишь из-за нестабильности в синхронной сети континентальной Европы, где последние масштабные веерные отключения были в 2006 г.: вызванные ошибочными действиями германских энергетиков, они затронули более 15 млн конечных потребителей в десятках стран от Польши до Марокко и от Дании до Греции. С тех пор в Европейском союзе был существенно повышен уровень взаимодействия между операторами электрических сетей из разных стран, в том числе в рамках усилий по созданию Европейского энергетического союза, благодаря чему столь масштабных веерных отключений

¹ Threats for Lithuanian Energy: Blackout for 3 billion and VSD Warning, *Lietuvos nacionalinis radijas ir televizija angliškai*, 23.07.2020, URL: <https://lithuaniantribune.com/threats-to-lithuanian-energy-blackout-for-3-billion-and-vs-d-warnings/> (дата обращения: 01.11.2024).

в континентальной Европе больше не было. Всего же за 1992—2021 гг. в Европе было отмечено 478 чрезвычайных ситуаций континентального масштаба на энергетических сетях, из которых 242 случая составили именно веерные отключения [43].

До сих пор в странах Балтии не наблюдалось веерных отключений, затрагивающих потребителей в нескольких странах, лишь чрезвычайные ситуации национального масштаба. Как и в остальной Европе, здесь наиболее частой причиной веерных отключений является обрыв линий электропередачи, в том числе устаревших, из-за сильного ветра, как, например, в Латвии летом 2018 г.¹ На строительство новых линий электропередачи в дополнение к построенным в советский период была направлена и существенная часть вышеупомянутого гранта Исполнительного агентства инноваций и сетей, выделенного в 2019 г. Однако в конце 2023 г., когда очередные веерные отключения произошли в Эстонии, четверть всех высоковольтных линий в стране была старше сорока лет². Это может служить еще одним объяснением позиции Латвии и Эстонии на инициированных Литвой переговорах по досрочному отсоединению от БРЭЛЛ: две страны не хотели отключаться от БРЭЛЛ досрочно, поскольку это поставило бы под вопрос продолжение финансирования со стороны Исполнительного агентства инноваций и сетей, из средств которого эти страны модернизировали свои электрические сети.

Заключение

В 2024 г. Литва ни в одиночку, ни вместе с Эстонией и Латвией не реализовала угрозы премьер-министра И. Шимоните об отключении от БРЭЛЛ раньше, чем это предполагалось утвержденными планами. Тем самым страны Балтии предоставили России как минимум дополнительный год для реализации мер, направленных на укрепление энергетической безопасности Калининградской области, которая окажется под угрозой, когда эти страны отключатся от энергетического кольца с Россией и Беларусью. В свою очередь, Эстония и Латвия получили время на реализацию мер по развитию собственных энергетических систем, которые, как предполагается, сделают отключение этих стран от БРЭЛЛ максимально безопасным для потребителей. Инициированные И. Шимоните переговоры между тремя странами Балтии о возможности досрочного отключения от БРЭЛЛ проходили в условиях политизации вопросов энергетики, характерных в настоящее время для большинства стран Запада, а не только для Литвы, Латвии и Эстонии.

Благодаря политизации этих вопросов, ход переговоров публично обсуждался как политиками, так и энергетиками трех стран Балтии, что позволило не только определить позиции этих стран по каждому из возможных вариантов исхода переговоров, но и построить матричную модель, позволяющую оценить вероятность реализации этих вариантов. Всего было определено три варианта. Согласно первому, все три страны Балтии отключаются от БРЭЛЛ одновременно и в сроки, установленные ранее утвержденными планами. Согласно второму, Литва, Латвия и Эстония также отключаются от энергетического кольца одновременно, но в более ранние сроки. Наконец, согласно третьему варианту, одна из стран Балтии отключается от БРЭЛЛ раньше, чем две другие. Анализ позиций сторон на переговорах, результаты которого были представлены в данной статье, позволяет заключить,

¹ Storms Cause Power Outages in Western Latvia, *Latvian Public Broadcasting*, 13.08.2018, URL: <https://eng.lsm.lv/article/society/society/storms-cause-power-outages-in-western-latvia.a288548/> (дата обращения: 01.11.2024).

² Mõttus, M. 2023, Estonia's Streamline State Agencies Unable to Respond to Crises Quickly Enough, *Eesti rahvusriinghääling*, 18.12.2023, URL: <https://news.err.ee/1609197757/estonia-s-streamlined-state-agencies-unable-to-respond-to-crises-quickly-enough> (дата обращения: 01.11.2024).

что для Эстонии и Латвии наиболее предпочтительным является первый вариант, а наименее предпочтительным — третий. Для Литвы же наиболее предпочтительным является второй вариант, а наименее предпочтительным — первый.

Матричная модель, представленная в данной статье, позволяет оценить третий вариант исхода переговоров как наименее вероятный. Первые же два представляют собой не только более вероятные варианты исхода переговоров по сравнению с третьим, но и равновероятные. На практике в результате переговоров все три страны Балтии согласились с первым вариантом, что позволяет классифицировать данный случай проявления солидарности в результате минилатеральных переговоров как солидарность с большинством. Литве пришлось согласиться с мнением большинства, пусть для страны и лично для И. Шимоните, сделавшей досрочное отключение своей страны от БРЭЛЛ важным элементом своей президентской кампании 2024 г., такой исход переговоров и представлялся наименее отвечающим если не национальным, то личным интересам. Тот факт, что вариант исхода переговоров, определенный с помощью данной модели как более вероятный, был реализован на практике, позволяет говорить о прогностической эффективности данной модели применительно к переговорам между странами Балтии по вопросам энергетической политики.

Рассмотренный случай схож с ситуацией второй половины 2010-х гг., когда Литве потребовалось более четырех лет, чтобы убедить Эстонию и Латвию отказаться от возможных закупок электроэнергии, производимой на тогда еще строящейся Белорусской АЭС, воспринятой в Литве в качестве угрозы. Представленная в данной статье модель демонстрирует свою прогностическую эффективность также и в этом случае. Однако подтвердить или опровергнуть предположение о ее прогностической эффективности для тех минилатеральных переговоров, в которых не участвуют страны Балтии, можно будет только после проведения дополнительных исследований. Также дополнительные исследования понадобятся для апробации данной модели на случаях минилатеральных переговоров европейских стран, на которых обсуждаются другие вопросы, нежели вопросы энергетической политики. Однако уже сегодня можно сделать вывод, что анализ минилатеральных переговоров требует разработки иных моделей, чем те, которые применяются для анализа многосторонних переговоров с большим числом участников, и представленная в данной статье модель является примером движения в этом направлении.

Список литературы

1. Харин, А. Г., Усанов, А. Н. 2015, О проблеме обеспечения энергетической безопасности Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, Серия: Гуманитарные и общественные науки, № 3, с. 91 — 100. EDN: ULSHUX
2. Агаев, З. А. 2018, Изолированная энергосистема Калининградской области, *Известия Российской академии наук, Серия географическая*, № 1, с. 101 — 110. EDN: YOGUHU
3. Сайчик, И. А. 2022, Энергетическая безопасность Калининградской области: проблемы и возможности, *Актуальные вопросы современной экономики*, № 4, с. 650 — 656. EDN: GJCSQR
4. Kahler, M. 1992, Multilateralism with Small and Large Numbers, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 681 — 708, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027867>
5. Ruggie, J. 1992, Multilateralism: the Anatomy of an Institution, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 561 — 598, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027831>
6. Pérez-Castrillo, D., Wettstein, D. 2001, Bidding for the Surplus: A Non-cooperative Approach to the Shapley Value, *Journal of Economic Theory*, vol. 100, № 2, p. 274 — 294, <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2704>
7. Лебедева, М. М., Зиновьева, Е. С. 2023, Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации, *Вестник РУДН, Серия: международные отношения*, т. 23, № 1, с. 144 — 156, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>

8. Ju, Y., Vidal-Puga, J. 2023, *Decentralized Multilateral Bargaining*, Spanish Conference on Statistics and Operations Research, URL: <https://vidalpuga.webs.uvigo.es/papers/noplanner.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).
9. Зотова, Д. А., Ланко, Д. А., Парфенёнок, Н. Л. 2024, Европейская солидарность и разнородная интеграция: результаты лабораторного эксперимента, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, т. 40, № 2, с. 212—232, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.204>
10. Faure, G. O., Zartman, I. W. 2012, Introduction, in: Faure, G. O. (ed.), *Unfinished Business: Why International Negotiations Fail*, Athens, Georgia University Press, p. 3—16.
11. Clemens, W. C. 1999. The Baltic Republics, Russia, and Energy: From Dependency to Interdependence, *SAIS Review*, vol. 19. № 1, p. 190—208, <https://doi.org/10.1353/sais.1999.a30418>
12. Rüdiger, M. 2019, From Import Dependence to Self-Sufficiency in Denmark, 1945—2000, *Energy Policy*, vol. 125, p. 82—89, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.10.050>
13. Bompard, E., Carpaneto, E., Huang, T., Pi, R. J., Fulli, G., Purvins, A., Mutule, A. 2017, Electricity Independence of the Baltic States: Present and Future Perspectives, *Sustainable Energy, Grids and Networks*, vol. 10, p. 55—64, <https://doi.org/10.1016/j.segan.2017.03.003>
14. Szulecki, K., Overland, I. 2020, Energy Democracy as a Process, an Outcome and a Goal: A Conceptual Review, *Energy Research & Social Science*, vol. 69, 101768, <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101768>
15. Meckling, J., Hughes, L. 2018, Global Interdependence in Clean Energy Transitions, *Business and Politics*, vol. 20, № 4, p. 467—491, <https://doi.org/10.1017/bap.2018.25>
16. Romanova, T. 2021, Russia's Political Discourse on the EU's Energy Transition (2014—2019) and Its Effect on EU-Russia energy relations, *Energy Policy*, vol. 154, 112309, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112309>
17. Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., Ketenci, N. 2023, What Motivates the 'Green' Transition: Russian and European Perspectives, *Resources Policy*, vol. 81, 103128, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
18. Högselius, P. 2018, *Energy and Geopolitics*, London, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315177403>
19. Bridge, G., Bouzarovski, S., Bradshaw, M., Eyre, N. 2013, Geographies of Energy Transition: Space, Place and the Low-Carbon Economy, *Energy Policy*, vol. 53, p. 331—340, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.10.066>
20. Stephens, J. C. 2022, Beyond Climate Isolationism: a Necessary Shift for Climate Justice, *Current Climate Change Reports*, vol. 8, p. 83—90, <https://doi.org/10.1007/s40641-022-00186-6>
21. Malhotra, M. 2023, The European Energy Union: How Can It Be Achieved? What Are the Pros and Cons of Such a Union, in: Leal-Arcas, R. (ed.), *Climate and Energy Governance for a Sustainable Future*, Singapore: Springer Nature, p. 187—200, https://doi.org/10.1007/978-981-19-8346-7_14
22. Böhringer, C., Rutherford, T. F., Tol, R. S. J. 2009, THE EU 20/20/2020 targets: An overview of the EMF22 assessment, *Energy Economics*, vol. 31, suppl. 2, p. S268—S273, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2009.10.010>
23. Кавешников, Н. Ю. 2015, Проект энергетического союза ЕС в контексте отношений между Россией и Европейским союзом, *Вестник Московского университета, Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 2, с. 73—95. EDN: UQFKSP
24. Леонард, М., Пизани-Ферри, Ж., Шапиро, Д., Тальяпиетра, С., Вульф, Г. 2021, Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза, *Вестник международных организаций*, т. 16, № 2, с. 204—235, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-10>
25. Radziukynas, V., Klementavicius, A., Kadisa, S., Radziukyniene, N. 2016, Challenges for the Baltic Power System Connecting Synchronously to Continental European Network, *Electric Power Systems Research*, vol. 140, p. 54—64, <https://doi.org/10.1016/j.epsr.2016.06.043>
26. Посаженикова, А. А., Лебедева, М. М. 2023, Малые государства Европы на международных переговорах (на примере стран Бенилюкс), *Управление и политика*, т. 2, № 4, с. 37—52, <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52>
27. Guy, J., Shears, E., Meckling, J. 2023, National Models of Climate Governance among Major Emitters, *Nature: Climate Change*, vol. 13, p. 189—195, <https://doi.org/10.1038/s41558-022-01589-x>

28. Weidner, H., Mez, L. 2008, German Climate Change Policy: A Success Story With Some Flaws, *Journal of Environment and Development*, vol. 17, № 4, p. 356—378, <https://doi.org/10.1177/1070496508325910>
29. Vilson, M. 2020, Framing the EU and the Green Deal in Estonia: A Reluctant Balancing Act, *Australian and New Zealand Journal of European Studies*, vol. 12, № 3, p. 35—46, <https://doi.org/10.30722/anzjes.vol12.iss3.15356>
30. Skoczkowski, T., Bielecki, S., Węglarz, A., Włodarczak, M., Gutowski, P. 2018, Impact Assessment of Climate Policy on Poland's Power Sector, *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, vol. 23, № 8, p. 1303—1349, <https://doi.org/10.1007/s11027-018-9786-z>
31. Metla-Rozentale, L., Kleinberga, V., Žaunercika, K., Spruds, A. 2022, Reflection of the EU Climate Policy Strategic Narrative in the Programmes of Latvian Political Parties — External Convergence and Influence on Shaping Public Opinion, *Energies*, vol. 15, № 9, 3049, <https://doi.org/10.3390/en15093049>
32. Snyder, G. H. 1971, “Prisoner’s Dilemma” and “Chicken” Models in International Politics’, *International Studies Quarterly*, vol. 15, № 1, p. 66—103, <https://doi.org/10.2307/3013593>
33. Дегтерев, Д. А., Дегтерев, А. Х. 2011, Теория игр и международные отношения, *Мировая экономика и международные отношения*, № 2, с. 79—89, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89>
34. Lanko, D. 2022, Modelling Negotiations on the Nordic Economic Area: Uncertainty and Absolute Gains as Factors of International Solidarity, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, № 3, p. 243—261, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.302>
35. Хрусталеv, М. А. 2004, Методология анализа международных переговоров, *Международные процессы*, т. 2, № 3 (6), с. 64—78. EDN: OIPFVL
36. Ланко, Д. А. 2023, *Возможности экономического взаимодействия России с государствами Балтийского региона: рабочая тетрадь № 78*, Российский совет по международным делам (РСМД), Москва, НП РСМД, 32 с.
37. Hemstad, R. 2023, Promoting Norden and Nordic Cooperation in the 1930s: Social Democratic Visions and Transmedial Manifestations, in: Norén, F., Stjernholm, E., Thomson, C. C. (eds.), *Nordic Media Histories of Propaganda and Persuasion. Palgrave Macmillan*, Cham., https://doi.org/10.1007/978-3-031-05171-5_2
38. Jurkynas, M. 2021, Change in a Time of Pandemic: the 2020 Parliamentary Elections in Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52, № 2, p. 269—278, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1901754>
39. Van Reibrouck, D. 2016, *Against Elections: The Case for Democracy*, London, Random House.
40. Jastramskis, M., Ramonaite, A. 2021, Lithuania: Political Developments and Data in 2020, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 60, p. 241—255, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12345>
41. Agarin, T., Nakai, R. 2021, Political Dejection in a Divided Society: A Challenge for Latvia’s Democracy?, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52, № 4, p. 521—546, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1968917>
42. Mölder, M. 2022, Estonia: Political Developments and Data in 2021, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 61, p. 137—146, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12370>
43. Stankovski, A., Gjørviiev, B., Lochter, L., Sansavini, G. 2023, Power Blackouts in Europe: Analyses, Key Insights, and Recommendations from Empirical Evidence, *Joule*, vol. 7, № 11, p. 2468—2484, <https://doi.org/10.1016/j.joule.2023.09.005>

Об авторах

Дмитрий Александрович Ланко, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4089-7962>

Наталья Викторовна Немирова, кандидат социологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: nnemirova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0674-5260>

Дарья Алексеевна Зотова, аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет, Россия.

E-mail: d.zotova@spbu.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1557-3281>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – NoDerivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CCBY-NC-ND4.0)

BALTIC STATES ON THE WAY TOWARDS ENERGY ISOLATIONISM: UNITED OR DIVIDED?

D. A. Lanko

N. V. Nemirova

D. A. Zotova

St. Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

Received 02 April 2024
Accepted 18 October 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2
© Lanko, D. A., Nemirova, N. V.,
Zotova, D. A., 2025

The flip side of the European Union’s policy aimed at accelerating the fourth energy transition has been energy isolationism — namely, the pursuit of quantitative indicators characterising a country’s energy balance without considering their impact on the energy balance of neighbouring countries. This article examines energy isolationism using the example of Lithuania’s 2022 initiative, which called on the three Baltic States to disconnect from the BRELL synchronous power grid — linking them to Russia and Belarus — before 2025. According to a plan developed in 2018, they were originally scheduled to disconnect in 2025. However, Latvia and Estonia did not support Lithuania’s initiative and, after negotiations lasting until mid-2023, agreed to adhere to the original timeline. The article analyses these negotiations as minilateral — multilateral discussions involving a small number of participants — which differ in nature from both bilateral negotiations and large-scale multilateral negotiations with numerous participants. Using game theory, the article presents a model of these negotiations. In practical terms, the ‘three-player, three-option’ model explains why the failure of negotiations followed by Lithuania’s unilateral desynchronisation from BRELL was the least probable scenario from the outset. More broadly, the model demonstrates that no two Baltic States with similar negotiating positions could accept any outcome other than their most preferred one, even if accepting a different outcome would allow the third state — with a divergent negotiating stance — to avoid its least preferred option. The article concludes that

To cite this article: Lanko, D. A., Nemirova, N. V., Zotova, D. A. 2025, Baltic states on the way towards energy isolationism: united or divided?, *Baltic Region*, vol. 17, № 1, p. 19–43. doi: 10.5922/2079-8555-2025-1-2

the inability of the majority to compromise with the minority prevents minilateral cooperation among the three Baltic States from evolving to a higher level — comparable to the more advanced minilateral cooperation seen among the Nordic countries.

Keywords:

Estonia, Latvia, Lithuania, minilateralism, negotiations, game theory, energy, BRELL

References

1. Kharin, A. G., Usanov, A. N. 2015, On the issue of the provision of energy security of the Kaliningrad Region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, № 3, p. 91 — 100. EDN: ULSHUX (in Russ.).
2. Ataev, Z. A. 2018, Isolated energy system of Kaliningrad oblast, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, № 1, p. 101 — 110. EDN: YOGUHU (in Russ.).
3. Saychik, I. A. 2022, Energy Security of the Kaliningrad Region: Problems and Opportunities, *Aktualnye voprosy sovremennoy ekonomiki*, № 4, p. 650 — 656. EDN: GJCSQR (in Russ.).
4. Kahler, M. 1992, Multilateralism with Small and Large Numbers, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 681 — 708, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027867>
5. Ruggie, J. 1992, Multilateralism: the Anatomy of an Institution, *International Organization*, vol. 46, № 3, p. 561 — 598, <https://doi.org/10.1017/S0020818300027831>
6. Pérez-Castrillo, D., Wettstein, D. 2001, Bidding for the Surplus: A Non-cooperative Approach to the Shapley Value, *Journal of Economic Theory*, vol. 100, № 2, p. 274 — 294, <https://doi.org/10.1006/jeth.2000.2704>
7. Lebedeva, M. M., Zinovieva, E. S. 2023, International Negotiations in the Digital Age, *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 23, № 1, p. 144 — 156, <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>
8. Ju, Y., Vidal-Puga, J. 2023, *Decentralized Multilateral Bargaining*, Spanish Conference on Statistics and Operations Research, URL: <https://vidalpuga.webs.uvigo.es/papers/noplanner.pdf> (accessed 01.11.2024).
9. Zotova, D., Lanko, D., Parfenenok, N. 2024, European solidarity and multi-speed integration: Results of a laboratory experiment, *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 40, № 2, p. 212 — 232, <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.204> (in Russ.).
10. Faure, G. O., Zartman, I. W. 2012, Introduction, in: Faure, G. O. (ed.), *Unfinished Business: Why International Negotiations Fail*, Athens, Georgia University Press, p. 3 — 16.
11. Clemens, W. C. 1999. The Baltic Republics, Russia, and Energy: From Dependency to Interdependence, *SAIS Review*, vol. 19. № 1, p. 190 — 208, <https://doi.org/10.1353/sais.1999.a30418>
12. Rüdiger, M. 2019, From Import Dependence to Self-Sufficiency in Denmark, 1945 — 2000, *Energy Policy*, vol. 125, p. 82 — 89, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.10.050>
13. Bompard, E., Carpaneto, E., Huang, T., Pi, R. J., Fulli, G., Purvins, A., Mutule, A. 2017, Electricity Independence of the Baltic States: Present and Future Perspectives, *Sustainable Energy, Grids and Networks*, vol. 10, p. 55 — 64, <https://doi.org/10.1016/j.segan.2017.03.003>
14. Szulecki, K., Overland, I. 2020, Energy Democracy as a Process, an Outcome and a Goal: A Conceptual Review, *Energy Research & Social Science*, vol. 69, 101768, <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101768>
15. Meckling, J., Hughes, L. 2018, Global Interdependence in Clean Energy Transitions, *Business and Politics*, vol. 20, № 4, p. 467 — 491, <https://doi.org/10.1017/bap.2018.25>
16. Romanova, T. 2021, Russia's Political Discourse on the EU's Energy Transition (2014 — 2019) and Its Effect on EU-Russia energy relations, *Energy Policy*, vol. 154, 112309, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112309>
17. Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., Ketenci, N. 2023, What Motivates the 'Green' Transition: Russian and European Perspectives, *Resources Policy*, vol. 81, 103128, <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2022.103128>
18. Högselius, P. 2018, *Energy and Geopolitics*, London, Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315177403>

19. Bridge, G., Bouzarovski, S., Bradshaw, M., Eyre, N. 2013, Geographies of Energy Transition: Space, Place and the Low-Carbon Economy, *Energy Policy*, vol. 53, p. 331–340, <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2012.10.066>
20. Stephens, J. C. 2022, Beyond Climate Isolationism: a Necessary Shift for Climate Justice, *Current Climate Change Reports*, vol. 8, p. 83–90, <https://doi.org/10.1007/s40641-022-00186-6>
21. Malhotra, M. 2023, The European Energy Union: How Can It Be Achieved? What Are the Pros and Cons of Such a Union, in: Leal-Arcas, R. (ed.), *Climate and Energy Governance for a Sustainable Future*, Singapore: Springer Nature, p. 187–200, https://doi.org/10.1007/978-981-19-8346-7_14
22. Böhringer, C., Rutherford, T. F., Tol, R. S. J. 2009, THE EU 20/20/2020 targets: An overview of the EMF22 assessment, *Energy Economics*, vol. 31, suppl. 2, p. S268–S273, <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2009.10.010>
23. Kaveshnikov, N. Yu. 2015, The energy union project of the European Union in the context of eu-russia relations, *Lomonosov World Politics Journal*, № 2, p. 73–95. EDN: UQFKSP
24. Leonard, M., Pisani-Ferry, J., Shapiro, J., Tagliapietra, S., Wolf, G. 2021, The geopolitics of the European Green Deal, *International Organisations Research Journal*, vol. 16, № 2, p. 204–235, <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-02-10> (in Russ.).
25. Radziukynas, V., Klementavicius, A., Kadisa, S., Radziukyniene, N. 2016, Challenges for the Baltic Power System Connecting Synchronously to Continental European Network, *Electric Power Systems Research*, vol. 140, p. 54–64, <https://doi.org/10.1016/j.eprs.2016.06.043>
26. Posazhennikova, A. A., Lebedeva, M. M. 2023, Small States of Europe in International Negotiations (Case of Benelux Countries), *Governance and Politics*, vol. 2, № 4, p. 37–52, <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-4-37-52> (in Russ.).
27. Guy, J., Shears, E., Meckling, J. 2023, National Models of Climate Governance among Major Emitters, *Nature: Climate Change*, vol. 13, p. 189–195, <https://doi.org/10.1038/s41558-022-01589-x>
28. Weidner, H., Mez, L. 2008, German Climate Change Policy: A Success Story With Some Flaws, *Journal of Environment and Development*, vol. 17, № 4, p. 356–378, <https://doi.org/10.1177/1070496508325910>
29. Vilson, M. 2020, Framing the EU and the Green Deal in Estonia: A Reluctant Balancing Act, *Australian and New Zealand Journal of European Studies*, vol. 12, № 3, p. 35–46, <https://doi.org/10.30722/anzjes.vol12.iss3.15356>
30. Skoczkowski, T., Bielecki, S., Węglarz, A., Włodarczyk, M., Gutowski, P. 2018, Impact Assessment of Climate Policy on Poland's Power Sector, *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, vol. 23, № 8, p. 1303–1349, <https://doi.org/10.1007/s11027-018-9786-z>
31. Metla-Rozentale, L., Kleinberga, V., Žaunercika, K., Spruds, A. 2022, Reflection of the EU Climate Policy Strategic Narrative in the Programmes of Latvian Political Parties — External Convergence and Influence on Shaping Public Opinion, *Energies*, vol. 15, № 9, 3049, <https://doi.org/10.3390/en15093049>
32. Snyder, G. H. 1971, “Prisoner’s Dilemma” and “Chicken” Models in International Politics’, *International Studies Quarterly*, vol. 15, № 1, p. 66–103, <https://doi.org/10.2307/3013593>
33. Degterev, D., Degterev, A. 2011, Theory of Games and Theory of International Relations, *World Economy and International Relations*, № 2, p. 79–89, <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89> (in Russ.).
34. Lanko, D. 2022, Modelling Negotiations on the Nordic Economic Area: Uncertainty and Absolute Gains as Factors of International Solidarity, *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 15, № 3, p. 243–261, <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.302> (in Russ.).
35. Khrustalev, M. A. 2004, Methodology of international negotiation analysis, *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 2, № 3 (6), p. 64–78. EDN: OIPFVL
36. Lanko, D. A. 2023, Opportunities for Economic Cooperation between Russia and Baltic Sea States: working paper № 78, Moscow, Russian Council for International Affairs.
37. Hemstad, R. 2023, Promoting Norden and Nordic Cooperation in the 1930s: Social Democratic Visions and Transmedial Manifestations, in: Norén, F., Stjernholm, E., Thomson, C. C. (eds.), *Nordic Media Histories of Propaganda and Persuasion*. Palgrave Macmillan, Cham., https://doi.org/10.1007/978-3-031-05171-5_2

38. Jurkynas, M. 2021, Change in a Time of Pandemic: the 2020 Parliamentary Elections in Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52. № 2, p. 269–278, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1901754>

39. Van Reibrouck, D. 2016, *Against Elections: The Case for Democracy*, London, Random House.

40. Jastramskis, M., Ramonaite, A. 2021, Lithuania: Political Developments and Data in 2020, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 60, p. 241–255, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12345>

41. Agarin, T., Nakai, R. 2021, Political Dejection in a Divided Society: A Challenge for Latvia's Democracy?, *Journal of Baltic Studies*, vol. 52, № 4, p. 521–546, <https://doi.org/10.1080/01629778.2021.1968917>

42. Mölder, M. 2022, Estonia: Political Developments and Data in 2021, *European Journal of Political Research Political Data Yearbook*, vol. 61, p. 137–146, <https://doi.org/10.1111/2047-8852.12370>

43. Stankovski, A., Gjørviiev, B., Lochter, L., Sansavini, G. 2023, Power Blackouts in Europe: Analyses, Key Insights, and Recommendations from Empirical Evidence, *Joule*, vol. 7, № 11, p. 2468–2484, <https://doi.org/10.1016/j.joule.2023.09.005>

The authors

Dr Dmitry A. Lanko, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.lanko@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4089-7962>

Dr Natalia V. Nemirova, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: nnemirova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0674-5260>

Daria A. Zotova, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: d.zotova@spbu.ru

<https://orcid.org/0009-0007-1557-3281>

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)